

У нас на гастролях

И РАДОСТЬ, И СЛЕЗЫ ЛЮДМИЛЫ

Ее помнили зрители все эти годы. Хотя от того, последнего выхода на сцену, до нынешнего прошло десять лет.

Ее помнили и любил. Хотя тогда в труппе Севастопольского театра им. А. В. Луначарского перед именем ее еще не было таких высоких титулов.

И именно потому ныне, когда народная артистка ТАССР Людмила Кара-Гяур предстала перед сева­стопольскими зрителями, в зале раздался шквал аплодисментов. Ей дарили улыбки и цветы, ей дарили благодарности за искусство, за творческую неистовость. Мы говорим об этом сегодня, когда уже завершились в Севастополе га­строли Казанского русского Большого драматического театра, говорим это проща­ясь и с творческим коллективом, и с Людмилой Кара-Гяур. И пусть не отнесутся и к ней, и к нам ревностно ее коллеги по сцене оттого, что на долю Людмилы выпало этих аплодисментов не­сколько больше, чем ее товарищам.

Это признание в любви. Весь гастрольный месяц был наполнен для нее теплыми встречами и дорогими воспоминаниями. Севастополь остался главной вехой в жизни семьи Кара-Гяур, здесь началась творческая биография Людмилы и Евгения, здесь они становились на ноги и обретали друзей.

Да и мы, зрители и ее поклонники, тоже вспоминали недавнее прошлое нашего театра — пору его расцвета, творческих дерзаний, удач. Особой страницей в эти успехи коллектива вписано и творчество Людмилы Кара-Гяур. Потому естественным на нынешних встречах с сева­стопольцами было точное узнавание ее прежних героинь — Лизы Хреновой («Традиционный сбор» В. Розова) и Наташи («На дне» М. Горького), женщин разных судеб и разных родом — чехословацких и кубинских, совсем юных и довольно преклонного возраста.

Больше всего она боялась повториться в образах, которые создавала на сцене, и потому мучительно долго искала характер. Но к чести актрисы — не боялась она в этих образах ни возраста, ни

внешней непривлекательности. Рисунок роли зачастую был гротесковый, краски сгущены, но суть человека раскрывалась как сквозь завесу, высвечивался стержень, основа характера.

Такой же и еще более умудренной годами, творческим и жизненным опытом предстала ныне перед нами Л. Кара-Гяур. Две роли в ее репертуаре как раз относятся к разряду возрастных. Это — Роза Александровна в «Ретро» А. Галина и Бабуца в «Квартете для души» Х. Хугаева. Две женщины, доживающие свой век в одиночестве, — в общем-то один финал, но какие разные, полярно противоположные судьбы! И в одном, и в другом спектакле актриса рисует человека, который подходит к финишу жизни.

Как прожил он ее, что отдал, что накопил?

В прошлом у Розы Александровны — сцена — балет, служение музам... все в прошлом. Так и осталась она одна с этими воспоминаниями, изысканностью былого вкуса, стародавними волнениями. Ах, как давно все это было! Она словно застыла в далекой, отмеренной ушедшими десятилетиями, молодости. Даже остановилась в той определенной балетными правилами позиции, так и ходит теперь на негнущихся старческих ногах.

Трагизм характера Розы Александровны раскрывается в комических ситуациях вынужденного сватовства. Но и в этих щекотливых моментах актриса не перешагивает через грань не дозволенного — ощущение человеческой беды все время сдерживает ее. И как бы ни храбрилась Роза Александровна, как бы ни старалась утвердить себя

в новой, такой непривычной роли сватающейся невесты, все равно стучит в ее сердце одна нота — одиночества.

Одна, всю жизнь одна... Раньше было не до семьи, вся в себе, все — для себя. Но как нужна ей теперь человеческая поддержка! Она помнит крепкие руки партнера по сцене и сейчас, закрывая глаза, вновь слышит ту щемящую сердце музыку и просит, ищет опоры у старика Чмутина. Пусть он, такой нескладный, неуклюжий, застенчивый, пусть он поддержит ее, защитит от соседей, от пьяного водопроводчика, от всего мира, пусть просто накормит в конце концов. Ведь она, оказывается, ничего-ничегошеньки в жизни не умеет. Актриса не смеется над своей героиней (хотя в пьесе есть и такой вариант), не обвиняет ее. Она ее жалеет — по-женски, по-человечески жалеет — и учит нас, зрителей сострадания и доброте.

Но никакого сострадания не нужно другой героине Л. Кара-Гяур — Бабуце («Квартет для души»). На старости лет она тоже одна. На вой­не погиб муж, отдали свои юные жизни за нашу свободу ее сыновья. Но они живут здесь, в ее доме, все годы хранят их тепло старая бурка да вайлочные шапочки сыновей... Хранит их тепло ее сердце... И тепло, и добро, и любовь. Какое же оно щедрое, это женское сердце Бабуцы! Ей, действительно, не нужно людской жалости — наоборот, она сама отдает людям все, чем богата. Столько силы, столько мудрости в ее облике. И впрямь, утверждает вместе со своей героиней актриса: человек богат тем, чем наде­ляет других, он сам согрет тем теплом и светом, что излучает. Не одиночество страшно — страшна глухота души, пустота сердца.

Так сыграть, так выразить может человек, многое испытавший и многому научившийся от жизни. Это мы увидели ныне в Людмиле Кара-Гяур. В ее радости, с которой она открывалась сева­стопольцам, в ее слезах, с которыми она прощалась с ними каждый вечер, после каждого спектакля.

Е. ЮРЗДИЦКАЯ